

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 121–131.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 121–131.

Научная статья

УДК 165.41

DOI: 10.37482/2687-1505-V324

Социальный и ценностный смысл недоверия к гуманитарному знанию¹

Комаров Сергей Владимирович¹

Поросенков Сергей Владимирович²✉

^{1, 2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹e-mail: philos.perm@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>

²e-mail: svp53@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2331-8276>

Аннотация. В статье анализируется актуальная проблема роста недоверия к гуманитарному знанию. Она имеет значение как для субъектов, создающих, систематизирующих и транслирующих гуманитарное знание, так и для социальных субъектов, легитимность действий которых основывается на научном гуманитарном знании. Особо значима эта проблема для субъектов государственного управления и образовательной деятельности. Доверие к знанию характеризуется признанием его истинности в гносеологическом смысле и положительного значения в аксиологическом смысле. С этой точки зрения социальная обусловленность недоверия к гуманитарному знанию связана с социально-экономическими процессами, в результате которых возникает отчуждение, образующее объективную основу недоверия. Узкая профессионализация, порождаемая углублением разделения труда, техницизм, потребительство, приоритет информации и информационных технологий служат истоками недоверия к гуманитарному знанию как выражению истины. Конкретно это проявляется в отсутствии доверия между субъектами власти и носителями гуманитарного знания, между представителями технического и гуманитарного знания, между субъектами самого гуманитарного знания и в нарастающем недоверии общества к науке вообще. В целом интегральный социальный смысл роста недоверия к гуманитарному знанию заключается во все большем подчинении человека современным социотехническим системам, элементом которых он становится. Аксиологическая составляющая недоверия к гуманитарному знанию связана с ценностными смыслами. Во-первых, оно вынужденно включает мировоззренческие компоненты, что вызывает недоверие социальных субъектов, ориентирующихся на отличные или противоположные системы представлений. Во-вторых, гуманитарное знание по самой своей сути отражает плюралистичность («множественность») самого человеческого бытия. Поскольку социальные и ценностные детерминанты недоверия к гуманитарному знанию интенсифицируются в современном обществе, в статье сделан вывод об *объективности* этого процесса. Результаты исследования могут иметь положительное значение для практической и познавательной деятельности социальных субъектов, вовлеченных во взаимодействие, порождающее доверие и недоверие.

¹Данная статья является продолжением исследования, представленного авторами в: *Комаров С.В., Поросенков С.В. Социальное значение недоверия к гуманитарному знанию // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2023. № 1(471). С. 22–33.*

Ключевые слова: гуманитарное знание, доверие, недоверие, социальный смысл, ценностный смысл, объективное значение.

Для цитирования: Комаров, С. В. Социальный и ценностный смысл недоверия к гуманитарному знанию / С. В. Комаров, С. В. Поросенков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 121-131. – DOI: 10.37482/2687-1505-V324.

Original article

Social and Value Meaning of the Distrust in Humanities Knowledge

Sergey V. Komarov¹

Sergey V. Porosenkov²✉

^{1,2}Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

¹e-mail: philos.perm@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>

²e-mail: svp53@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2331-8276>

Abstract. This article analyses the urgent issue of the growing distrust of humanities knowledge. This problem is important both for those who create, systematize and broadcast humanities knowledge and for social actors whose legitimacy of actions is based on humanities knowledge. Moreover, this issue is of particular significance to those involved in public administration and education. Trust in knowledge is characterized by the recognition of its truth in the epistemological sense and of its positive meaning in the axiological sense. From this point of view, the social distrust of humanities knowledge can be explained by the socio-economic processes that generate alienation, which forms an objective basis for distrust. Narrow specialization due to the deepening division of labour, as well as technicism, consumerism and the priority of information and information technology give rise to the distrust in humanities knowledge as an expression of truth. Specifically, this is manifested in the lack of trust between wielders of power and bearers of humanities knowledge, between representatives of technical and humanities knowledge, and between actors of humanities knowledge itself, as well as in society's deepening distrust of scholarship in general. On the whole, the integral social meaning of the growing distrust in humanities knowledge lies in the increasing subordination of humans to modern sociotechnical systems, whose elements they are becoming. The axiological component of distrust of humanities knowledge is related to its value meanings. Firstly, humanities knowledge necessarily includes value components, which causes distrust among social actors who are guided by different or opposing ideas. Secondly, humanities knowledge is inherently pluralistic, reflecting the manifoldness of human existence. Since the social and value determinants of distrust in humanities knowledge are intensifying in modern society, the article concludes that this process is objective. The results of the study may have a positive impact on the practical and cognitive activities of social actors involved in interaction causing trust and distrust.

Keywords: humanities knowledge, trust, mistrust, social meaning, value meaning, objective meaning.

For citation: Komarov S.V., Porosenkov S.V. Social and Value Meaning of the Distrust in Humanities Knowledge. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 121–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V324

Духовная сфера жизни общества всегда включала динамику доверия и недоверия к людям, социальным институтам, социальным общностям, тем ли иным социальным субъектам, явлениям культуры и знаниям. Стабильность общества возможна при определенном уровне доверия, а нестабильность и значительные изменения становятся следствием роста недоверия. Историчность динамики доверия и недоверия в социальном, психологическом, аксиологическом аспектах проявляется в процессе усложнения социальных отношений, дифференциации социальных институтов, развития философской и научной рефлексии в духовной сфере жизни общества. Действие принципа антропоцентризма в мировоззрении, объективный рост значения науки, техники, технологий обусловили все большую определенность динамики этих феноменов, когда в структуре социальных отношений, ценностных взглядах человека к действительности обнаруживается действие особых психологических переживаний, через призму которых общество в целом, социальные институты, те или иные социальные субъекты оцениваются положительно или отрицательно. Актуальность изучения доверия и недоверия обусловлена их усиливающимся значением в жизни социума. Рост интереса к *проблеме доверия* в обществе отмечен в работах И.В. Глушко, Н. Лукмана, Э. Селигмена, П. Штомпки и других исследователей.

Проблема недоверия к гуманитарному знанию – одна из граней общего взаимодействия процессов доверия и недоверия в обществе. Выявление социальной и ценностной обусловленности недоверия к гуманитарным наукам и вместе с тем интегрального смысла всех его проявлений имеет существенное значение как для субъектов, формирующих, транслирующих, рационализирующих гуманитарные знания, так и для философского осмысления развития этих знаний в соотношении с тем, что они отражают и вместе с тем регулируют.

Доверие к знанию характеризуется признанием его истинности в гносеологическом и положительного значения в аксиологическом

смысле. В психологическом смысле доверие как содержательная сторона веры включает совокупность положительных чувств, переживаний относительно объекта веры [1, с. 16, 28], а недоверие – отрицательных. Соответственно этим градациям взаимодействие данных феноменов может изучаться в *гносеологическом, аксиологическом и психологическом* аспектах. Когда же речь идет о воздействии указанного процесса на общественные отношения, то можно говорить о социальном доверии и недоверии. Гуманитарное знание в его рефлексивной или нерефлексивной форме, научном или обыденном выражении включается в динамику доверия и недоверия как в гносеологическом, аксиологическом, психологическом, так и в *социальном* смысле. Гуманитарные знания как знания о человеке, являющемся субъектом общественных отношений и деятельности, содержат социальное и личностное значение и ориентируют социальных субъектов в различных сферах жизни. Поэтому недоверие к этим знаниям становится формой недоверия к обществу, социальным институтам, иным социальным субъектам.

В научной литературе имеются исследования различных форм недоверия к гуманитарному знанию. Разнообразие этих форм представлено в следующих аспектах.

Во-первых, в институциональном аспекте, как отношения «по вертикали» – между субъектами государственного управления и субъектами гуманитарного образования и гуманитарного знания. Например, при сравнении этих процессов в России и Японии исследователи отмечают, что «в России два десятилетия идет реформа науки и образования, где гуманитарные науки наиболее страдают» [2, с. 22]. А в таком стратегически важном документе Российской Федерации, как «Приоритетные направления развития науки, технологии и техники» (2011), о гуманитарных науках не упоминается вообще. В Японии после 2015 года «министерство образования, спорта, туризма, науки и техники неожиданно объявило о намерении радикально редуцировать или вовсе закрыть за ненадобно-

стью факультеты гуманитарных наук в вузах страны» [3, с. 65]. Это предложение правительства страны выражено в условиях крайней минимизации гуманитарной составляющей в системе образования: «Сегодня в Японии по официальной статистике 174 университета предлагают по одной (!) магистерской программе в какой-то из гуманитарных наук» [3, с. 64]. Такое отношение к значимости гуманитарного знания в обществе можно наблюдать практически во всех развитых странах.

Во-вторых, недоверие «по горизонтали» – между самими субъектами систематизированного гуманитарного знания. Многие исследователи отмечают наличие недоверия между научными институтами разной гуманитарной направленности, между академическими институтами и вузами, а также между самими вузами. Данное обстоятельство создает условия недоверия и к производимому ими гуманитарному знанию, а в ходе конкурентной борьбы между отдельными учреждениями подобное недоверие обостряется. Это не только недоверие к другим формам гуманитарного знания (противоречие между философами и экономистами, филологами и лингвистами, социологами и философами и т. д.), но и недоверие и противоречие между научными школами внутри одной области, вплоть до отрицания их «научности». Г.Е. Зборовский полагает, что «в целом в системе высшего образования и подавляющем большинстве конкретных вузов между субъектами высшей школы доминирует отношение недоверия» [4, с. 16]. Такое недоверие непосредственно проявляется в широко распространенной практике повторного обсуждения и повторной рекомендации к защите квалификационных работ гуманитариев на профильных кафедрах вузов, где открыты соответствующие диссертационные советы. То есть исследования, рекомендованные к защите в других вузах, часто до рассмотрения диссертационным советом отправляются на новое обсуждение для получения рекомендации к защите от «своей» кафедры, которой доверяют члены диссовета. И эта практика свидетельствует о том, что «не

своим» отказано в доверии, несмотря на соблюдение всех критериев и требований.

В-третьих, недоверие к гуманитарному знанию с позиций негуманитарных наук. В современных зарубежных источниках представлен подход, определяющий смысл недоверия к гуманитарному знанию, которое в своем развитии все более удаляется от соответствия основному критерию науки, а именно объективности. Ю. Привалов, М. Ожован, М. Лощинин, сопоставляя в широком спектре параметров естественнонаучное и гуманитарное знание, делают вывод о том, что, «объявив об универсальности своей отрасли знания и поверив в эту уникальность, гуманитарии утратили интерес к объективности, у них не выработался вкус к поиску объективных размерных параметров и констант, а также их связи в аналитических соотношениях. Подчеркнем: курс на объективность знания – важнейшая методологическая установка, не признанная гуманитариями» [5, с. 197]. Да, реализация установки на объективность гуманитарного знания – необходимое условие доверия к нему. Но если достижение объективности ставится под сомнение, то и доверие к собственным результатам исследований становится проблемой: «Гуманитарии не уверены в каждом своем принципиальном утверждении» [5, с. 179]. Отсюда все возрастающий скепсис не только относительно «научности» гуманитарного знания. Рост недоверия к гуманитарному знанию проявляется и в отношении к преподавателям гуманитарных дисциплин негуманитарных вузов. А.С. Соколов и Л.В. Южакова констатируют, что «среди ряда специалистов существует мнение, что преподаватели гуманитарных дисциплин – это своего рода помеха в подготовке квалифицированных специалистов» [6, с. 20].

Поскольку гуманитарное знание не укладывается в жесткие «лекала» точности естественнонаучного и математического знания, то ему отказывают в значимости и полезности для общества в целом. При этом следует отметить, что сами представители технических и естественнонаучных дисциплин в современных

условиях выступают в роли «технократов», т. е. носителей социогуманитарного мировоззрения определенного типа [7, с. 23–28]. Иначе говоря, подвергая гуманитарное знание недоверию, они сами выступают носителями такого знания, пусть и в латентной, превращенной и ущербной форме [8, с. 5].

В-четвертых, более широкий контекст роста недоверия к науке в современном обществе в целом. П. Штомпка, тщательно анализируя динамику доверия и недоверия в различных сферах общественной жизни, приходит к выводу, что «в настоящее время доверие в науке необходимо более чем когда-либо, но мы наблюдаем зарождающееся недоверие к этой области жизни, разочарование в ней широкой общественности» [9, с. 391].

Проявлениями недоверия к гуманитарному знанию выступают многочисленные и разнообразные указания на его бесполезность, невозможность оценки в монетарном эквиваленте, поверхностность и плюрализм, отсутствие общего теоретического или ценностного основания. Так, М. Фуко в рамках методологии структурализма отмечает, что существует «непреодолимое впечатление расплывчатости, неточности, неопределенности, которое производят почти все гуманитарные науки» [10, с. 374]. Правда, этот философ, считая антропологизацию «самой большой внутренней опасностью знания» [10, с. 368], тщательно обосновывает позитивность гуманитарных наук в их историческом развитии. Но есть более жесткие оценки гуманитарного знания. С позиции классической научной рациональности, опирающейся на объективную истинность, однозначное соответствие знаний познаваемой предметной области, наличие единой методологии, практической применимости и проверяемости знаний, исследователи выражают глубокое недоверие к гуманитарному знанию. Примером такого рода оценок могут быть высказывания Г.В. Суворова, который называет некоторые гуманитарные науки «пустым говорением», «софистикой», «литературщиной» и полагает, что «гуманитарные теории являются со-

вершенно не эффективными как в технологическом, так и в теоретическом аспектах» [11, с. 159].

Все отмеченные формы недоверия к гуманитарному знанию многообразны в силу множества культурных различий социальных, этнических, религиозных общностей, что прямо или опосредованно воздействует на рациональные, систематизированные формы знаний о человеке, труде, языке, психике, нормах и ценностях. Какой же критерий является определяющим в формировании недоверия к гуманитарному знанию в современном обществе? Какие социальные детерминанты «задают» четыре вышеуказанные формы недоверия?

В первую очередь следует отметить воплощение принципа частной собственности и многообразных форм эксплуатации и конкуренции в социально-экономической структуре развитых стран. Процессы отчуждения и самоотчуждения служат фундаментальной онтологической и социально-психологической характеристикой социальных отношений этих обществ. Именно отчуждение становится фундаментальной основой социального недоверия. Философское обоснование этого тезиса представлено в работах И.В. Глушко, которая приходит к выводу о том, что «отчуждение является наиболее значимой историко-культурной детерминантой, формирующей основание недоверия как ментальной установки» [12, с. 18].

Процессы интенсивного разделения труда определяют приоритетное значение узкопрофессиональных знаний, и на фоне этой тенденции гуманитарные знания с их отсроченной во времени и неочевидной полезностью теряют положительное значение и вызывают недоверие. А. Каймулдина, исследуя процессы гуманитаризации высшей технической школы США, отмечает, что «профессионализация высшего образования привела к увеличению узкопрактических дисциплин в ущерб социально-гуманитарному образованию... Постоянно повышающиеся требования к профессиональным знаниям, которые жестко отстаивает

рынок, сегодня вступили в конкуренцию с общегуманитарной подготовкой специалиста, направленной на его развитие как личности» [13, с. 275]. На этом фоне растет востребованность манипулятивных гуманитарных знаний, которые отвечают особенностям специализированных сфер общественной жизни, конкретным видам деятельности и соответствующим потребностям, интересам, ценностным ориентациям социальных субъектов. О.В. Воробьева, И.В. Глушко, А. Каймулдина и другие авторы, фиксируя общемировую тенденцию ориентации на узкопрофессиональную подготовку специалистов, отмечают все большее доминирование в гуманитарном знании его манипулятивной составляющей, т. е. различного рода психологических тренингов, политтехнологий и т. п. Например, известно интенсивное развитие в последние десятилетия разделов так называемой прикладной этики, ориентированных на решение технических и организационных задач [14, с. 108–122]. В самих по себе тренингах, игровых методах усвоения знаний или прикладной этике нет ничего плохого, но в современных условиях подобные формы часто замещают освоение фундаментального гуманитарного знания. И в связи с этим знание, которое ориентировано на интегральный, личностный смысл, символы культуры, исходные ценности, становится менее востребованным.

Следующей социальной детерминантой, обуславливающей недоверие современного общества к гуманитарному знанию в целом, является формирование потребительства как сложного социального, психологического и мировоззренческого комплекса, определяющего поведение современного человека [15, с. 2]. Резкий рост сферы услуг, развитие технологий маркетинга, рекламы и формирования спроса, активное культивирование личности потребителя ведет к потребительскому отношению к знаниям. Стандартные формы потребительского поведения вытесняют идеалы гармоничного

развития. Для современного человека, ориентированного на стандартизированные и массовые способы поведения, выражения и удовлетворения своих потребностей, сложные формы сознания и поведения становятся неприемлемыми [15, с. 4]. Для такого индивида гуманитарные знания не соответствуют его ценностным потребительским установкам, становятся пустым словесным потоком («гулом»)².

Еще одной причиной понижения статуса и формирования недоверия к гуманитарному знанию является распространение информационных технологий. Многими исследователями современное общество характеризуется как «информационное». В таком обществе технические знания, информационные технологии обретают особый статус и могут быть основой оценки любых знаний, в т. ч. и гуманитарных. Кроме того, в современном социуме информация является фундаментальной ценностью, а гуманитарные знания, в т. ч. научные, становятся элементом информационных потоков. В этом случае в процессе файлового, фрагментарного потребления они оторваны от своих смысловых полей, ценностных ориентиров и символов культуры, исторических традиций, способов их получения, включая разнообразные научные методологии. Когда знания о психике, морали, религии, формах искусства, педагогике, т. е. вообще любые гуманитарные знания, оказываются элементом информационных потоков, кодируются «в цифре», то именно в таком виде они отражаются в файловом мышлении. В этом случае машинное или цифровое раскодирование содержания знания принимается за само знание – вне его смыслового и культурного контекста. Точнее, сама ситуация раскодирования является смысловым контекстом такого знания, которое, строго говоря, становится теперь не знанием, а информацией. Поскольку раскодирование или разархивирование знания зависит от машинного кода, то именно машина теперь задает смысловой контекст – вплоть до его понимания и интерпретации [16, с. 350]. Так, например,

²Уэльбек М. Реплики 2020. М.: АСТ Corpus, 2023. С. 302.

задавая различные коды извлечения знания, мы получим разные его интерпретации [17, с. 96–97]. В этом случае доверие или недоверие к данному знанию зависит от случайных субъективных, ситуативных и преходящих факторов. Ориентация на информацию как фундаментальную ценность и плюралистическая, фрагментарная форма представления гуманитарных знаний в информационных потоках ведут к росту тенденции реинтерпретации символов культуры в знаки, а соответствующих символам смыслов религии, морали, искусства, философии – в объясняемые значения, лишённые качества личностного понимания со стороны потребителя информации.

Названные социальные детерминанты недоверия к гуманитарному знанию можно интегрировать в общий социальный смысл подчинения человека социотехническим системам. Индивид становится только элементом таких систем, который определен общими требованиями, его собственный личностный смысл сводится к данным требованиям [15, с. 28–29]. Соответственно, гуманитарные знания, транслирующие символы и ценности, идеалы и нормы прошлых культур, направленные на развитие личностного смысла, теряют свое значение. Они вызывают недоверие социальных субъектов, будь то государство или работодатель, субъекты образования или субъекты производственных и информационно-технологических систем. Индустриальное общество уже в свое время обозначило развитие этих процессов, а мыслители-экзистенциалисты в различных аспектах показали тенденции подчинения человека социотехническим системам, что влечет за собой утрату смысла бытия, формирует неподлинное существование, которое в своей сущности с других методологических позиций определяется как рост отчуждения. Так, П. Тиллих, выражая тревогу утраты смысла, полагал, что система конечных вещей подчинила себе своего создателя. Поэтому ценности и смысл культуры стали терять значение, а гуманитарные знания, основанные на этих ценностях и смыслах, все менее востребованы.

М. Хайдеггер посчитал, что техника как «постав» превращает природу, ландшафт и само бытие человека в простое наличное пребывание (подручное), которое утрачивает смысл именно присутствия («пойэсиса»). А.Ж. Маритен полагал, что яд научной рациональности отравил европейскую культуру и знание вытесняет мудрость, которая создает и культивирует интегральный смысл всего существующего, включая и тот человеческий опыт, который образуется вне научного познания. В конечном счете недоверие к гуманитарному знанию оборачивается утратой смысла самой жизни человека [18, с. 30–31].

Социальный смысл недоверия к гуманитарному знанию включает и ценностные компоненты. В современном обществе это может выражаться в двух взаимосвязанных аспектах: во-первых, в аспекте связи гуманитарных знаний с ценностными позициями различных общностей людей и проявления этих позиций в оценке гуманитарных знаний [19, с. 29]; во-вторых, в аспекте взаимодействия процессов глобализации и регионализации, которые ведут к обособлению социальных субъектов, противопоставляющих нивелирующему воздействию глобализации обостренные формы этнической, религиозной, культурной самоидентификации [20, с. 14–15]. Рефлексия же относительно ценностных систем в формировании, систематизации и практического применения знаний осуществляется в научном гуманитарном познании.

Еще в период становления собственной методологии гуманитарных наук Г. Риккерт, В. Виндельбанд, В. Дильтей в качестве существенного признака гуманитарного знания определили связь с ценностями, неотрывность содержания такого знания от системы ценностей. Несмотря на сохранившуюся в гуманитарных науках линию применения естественнонаучной методологии, количественного, формально-логического инструментария, все более разнообразные знания о человеке значительную долю смысловой определенности получают от апеллирования к ценностям, ценностным системам, сформировавшимся в различных обществах, регулирующим отношения и деятельность людей,

функционирование социальных институтов, задающим направленность познания человека и общества.

Доверие или недоверие к гуманитарному знанию, будучи обусловленным социальными процессами, вместе с тем содержит действие этих ценностных детерминант. В аксиологическом аспекте наличие различающихся ценностных позиций социальных субъектов и субъектов систематизированного гуманитарного познания создает предпосылки того, что ценностное различие в содержании гуманитарного знания становится источником недоверия к некоторым компонентам этого знания. А плюрализм в аспектах множественности методологий, теорий, не имеющих общепризнанной философской основы (поскольку и философия чрезвычайно плюралистична), ведет к тому, что различия ценностных позиций формируют недоверие одних субъектов гуманитарного знания к другим, выражающим, транслирующим иную мировоззренческую позицию. Когда А. Маслоу и Г. Олпорт в знаменитом манифесте гуманистической психологии обвинили бихевиоризм и психоанализ в клевете на человека, то они не только выразили недоверие к определенной методологии познания его психики, но и исходили из иной ценностной позиции, определяющей смысл познания психики человека, отличной от позиции творцов бихевиоризма и психоанализа.

Субъект гуманитарного познания, ориентированный на те или иные ценности и смыслы, вырабатывает знания, которые для него имеют глубокий интегральный смысл, определяющий понимание человека. Но если эти ценности и смысловые поля понимания не приняты, то гуманитарные знания кажутся пустым говорением. И данные различия не могут быть предопределены, т. к. нет единой теоретической основы гуманитарного познания и единых методологических, ценностных, теоретических образцов. В естественнонаучном познании такие образцы есть. Если в космологии представлены разнообразные геометрико-динамические модели Вселенной, то у этих моделей, при всех

их различиях, есть теоретическое основание в виде общей теории относительности. Например, для физики и всего естествознания столетиями образцом и теоретической основой познания были «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона. В научном гуманитарном знании таких образцов нет. А.А. Ивин, сравнивая естественные и гуманитарные науки, отмечает, что «область социальных и гуманитарных наук еще более разнообразна, чем область естественных наук. Идея отыскать научную дисциплину, которая могла бы служить образцом социально-гуманитарного познания, нереалистична» [21, с. 76].

Исходя из этого можно говорить и об обратном недоверии к естественнонаучному знанию, особенно имея в виду рост общего недоверия к науке в современном обществе. Вирусологам во время пандемии не доверяли ковид-диссиденты. Климатологам не верят противники зеленой энергетики. Часть верующих и священников не доверяют теории биологической эволюции. Недоверие к естественнонаучному знанию многообразно, однако оно существенно отличается от недоверия к гуманитарному знанию тем, что в самом содержании естественнонаучного знания элиминированы ценностные значения, и потому ценностные основания недоверия формируются и находятся вне этого знания, т. е. в обществе, культуре, традициях. Но недоверие к гуманитарному знанию включает аспект отрицания именно ценностного содержания этого знания.

Типичным представлением подобного отрицания является «парадокс вагонетки», где решение задачи определяется системами ценностей того, кто принимает решение. Но признаваемая плюралистичность таких решений становится аргументом в пользу того, что если «точного» решения и единственно верного варианта задачи быть не может, то ценностно-нагруженное гуманитарное знание вообще не рассматривается как знание [22, с. 100.].

Стремление выразить некоторый тотальный смысл того или иного гуманитарного знания на основе принятия исходных ценностей становится основой оценочных суждений.

Однако согласно давно провозглашенному принципу Юма они не являются истинными в смысле соответствия связи субъекта и предиката действительности. Поэтому такое стремление ведет к созданию и использованию терминов, значение которых можно понять только в контексте определенной ценностно-смысловой позиции. Если исходить из одной ценностной позиции, то всякая другая оказывается заведомо «ложной». И это обстоятельство становится источником явного или латентного недоверия к гуманитарному знанию. Так и получается, что «...при прочтении некоторых специальных работ по социально-гуманитарной тематике появляется устойчивое ощущение того, что гуманитарии специально выработали собственный “междисциплинарный” язык, который в лучшем случае понятен лишь немногим, иногда не понятен даже их почитателям. Некоторые понятия и термины гуманитарного знания, такие как “текст”, “дискурс”, “нарратив”, “сценарий”, или утрачивают свою актуальность, или, напротив, обретают чрезмерную экспансию,

вплоть до отождествления со всей культурой. Все это усиливает сомнение в научности гуманитарного знания, по крайней мере, заставляет воспринимать и трактовать некоторые гуманитарные теории в качестве “пустого говорения”, “софистики”, “литературщины»» [11, с. 159].

Это определение ценностных детерминант недоверия к гуманитарному знанию показывает его возрастание как *объективную тенденцию* развития современного общества. Как социальные, так и связанные с ними ценностные детерминанты недоверия к гуманитарному знанию будут сохраняться в обозримом будущем. Отсюда можно сделать вывод, что к проявлениям этого недоверия субъектам систематизированного, научного гуманитарного знания не следует относиться как к произвольным, субъективным явлениям, нужно видеть за ними объективный процесс. Понимание объективной обусловленности недоверия к гуманитарному знанию создает возможность рефлексии относительно смысла и содержания знаний о человеке.

Список литературы

1. Бакеева Е.В. Вера. Экзистенциально-феноменологический очерк: моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 192 с.
2. Бахитановский В.И. Прикладная этика как проектно-ориентированное знание (теория и опыт нового основания Ойкумены прикладной этики) // Этическая мысль. 2015. Т. 15, № 2. С. 108–122.
3. Долин А.А. Гуманитарное образование в Японии: невеликое в малом // История и современность. 2020. № 3(37). С. 63–94. <https://doi.org/10.30884/iis/2020.03.04>
4. Зборовский Г.Е. Ключевые проблемы доверия в высшем образовании: изучение и репрезентация // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2018. № 5(56). С. 17–25. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.56.5.002>
5. Привалов Ю., Ожован М., Лоцинин М. Как социологию и экономическое знание вернуть в семью объективных наук? Критика современного состояния гуманитарного знания. Ч. I // Eur. Res. Ser. A. 2020. Vol. 11, № 3. С. 159–208. <https://doi.org/10.13187/er.2020.3.159>
6. Соколов А.С., Южакова Л.В. Некоторые проблемы гуманитарного образования инженера // Высш. образование в России. 2009. № 4. С. 90–93.
7. Мясникова Т.А. Философские аспекты технократии в цифровом мире: дис. ... магистра филос. наук. М., 2023. 147 с.
8. Миронов А.В. Ценности технократизма // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2009. № 2. С. 5–12.
9. Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 445 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. СПб.: А-сacд, 1994. 405 с.

11. Суворов Г.В. Язык гуманитарного познания. О научности гуманитарных исследований // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2020 № 3(37). С. 156–161.
12. Глушко И.В. Доверие и недоверие как ментальные установки в российском обществе // Соц.-гуманит. знания. 2016. № 7. С. 15–20.
13. Каймулдина А. Особенности гуманитаризации высшей технической школы в США // Наука и новые технологии. 2010. № 4. С. 274–276.
14. Воробьева О.В. О проблемах и перспективах развития гуманитарного образования в России // Высш. образование в России. 2019. Т. 28, № 11. С. 22–33. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33>
15. Цимбал Е.А. Духовный мир и идентичность личности в обществе потребления // Философия права. 2017. № 4(38). С. 56–62.
16. Комаров С.В. Машина и время: счет, память и скорость // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2017. № 3(31). С. 341–351. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-3-341-351>
17. Евангели А. Формы времени и техногенная чувственность. Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. 272 с.
18. Хюбнер Б. Смысл в бессмысленное время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов: моногр. / пер. с нем. А.Б. Демидова. Минск: Экономпресс, 2006. 384 с.
19. Комаров С.В., Поросенков С.В. Социальное значение недоверия к гуманитарному знанию // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2023. № 1(471). С. 22–33.
20. Комаров С.В., Поросенков С.В. Проблема формирования субъекта глобальной деятельности // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2022. № 10(468). С. 13–23.
21. Ивин А.А. Современная философия науки. М.: Высш. шк., 2005. 592 с.
22. Эдмондс Д. Убили бы Вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 264 с.

References

1. Bakeeva E.V. *Vera. Ekzistentsial'no-fenomenologicheskij ocherk* [Faith: An Existential-Phenomenological Essay]. Yekaterinburg, 2022. 192 p.
2. Bakhtanovskiy V.I. Prikladnaya etika kak proektno-orientirovannoe znanie (teoriya i opyt novogo osvoeniya Oykumeny prikladnoy etiki) [Applied Ethics as a Project-Oriented Knowledge (Theory and Experience of New Mastering of Oecumene of Applied Ethics)]. *Eticheskaya mysl'*, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 108–122.
3. Dolin A.A. Gumanitarnoe obrazovanie v Yaponii: nevelikoe v malom [Humanities Education in Japan: The Small in the Minor]. *Istoriya i sovremennost'*, 2020, no. 3, pp. 63–94. <https://doi.org/10.30884/iis/2020.03.04>
4. Zborovskiy G.E. Klyuchevye problemy doveriya v vysshem obrazovanii: izuchenie i reprezentatsiya [Key Issues of Trust in Higher Education: Study and Interpretation]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, no. 5, pp. 17–25. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.56.5.002>
5. Privalov Yu., Ozhovan M., Loshchinin M. Kak sotsiologiyu i ekonomicheskoe znanie vernut' v sem'yu ob'ektivnykh nauk? Kritika sovremennoho sostoyaniya gumanitarnogo znaniya. Ch. I [How to Return the Sociology and Economics to the Family of Objective Sciences? Criticism of the Current State of Humanitarian Knowledge. Pt. I]. *Eur. Res. Ser. A*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 159–208. <https://doi.org/10.13187/er.2020.3.159>
6. Sokolov A.S., Yuzhakova L.V. Nekotorye problemy gumanitarnogo obrazovaniya inzhenera [Problems of Humanitarian Education of Future Engineers]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2009, no. 4, pp. 90–93.
7. Myasnikova T.A. *Filosofskie aspekty tekhnokratii v tsifrovom mire* [Philosophical Aspects of Technocracy in the Digital World: Diss.]. Moscow, 2023. 147 p.
8. Mironov A.V. Tsennosti tekhnokratizma [The Values of Technocracy]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Filosofiya*, 2009, no. 2, pp. 5–12.
9. Sztompka P. *Zaufanie. Fundament społeczeństwa*. Kraków, 2007. 424 p. (Russ. ed.: Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva*. Moscow, 2012. 445 p.).
10. Foucault M. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966, 405 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, 1994. 405 p.).

11. Suvorov G.V. Yazyk gumanitarnogo poznaniya. O nauchnosti gumanitarnykh issledovaniy [Language of Humanities. About the Science of Humanities Researches]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya*, 2020, no. 3, pp. 156–161.
12. Glushko I.V. Doverie i nedoverie kak mental'nye ustanovki v rossiyskom obshchestve [Trust and Distrust as a Mental Attitude in Russian Society]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2016, no. 7, pp. 15–20.
13. Kaymul'dina A. Osobennosti gumanitarizatsii vysshey tekhnicheskoy shkoly v SShA [Humanitarization of Higher Technical Education in the USA]. *Nauka i novye tekhnologii*, 2010, no. 4, pp. 274–276.
14. Vorobieva O.V. About Problems and Prospects of Humanities and Humanitarian Education in Russia. *High. Educ. Russ.*, 2019, vol. 28, no. 11, pp. 22–33 (in Russ.). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33>
15. Tsimbal E.A. Dukhovnyy mir i identichnost' lichnosti v obshchestve potrebleniya [Spiritual World and Identity of the Individual in a Consuming Society]. *Filosofiya prava*, 2017, no. 4, pp. 56–62.
16. Komarov S.V. Mashina i vremya: schet, pamyat' i skorost' [Machine and Time: Calculation, Memory and Speed]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2017, no. 3, pp. 341–351. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-3-341-351>
17. Evangeli A. *Formy vremeni i tekhnogennaya chuvstvennost'* [Forms of Time and Technogenic Sensuality]. Nizhny Novgorod, 2019. 272 p.
18. Hübner B. *Sinn in SINN-loser Zeit. Metaphysische Verrechnungen – eine Abrechnung*. Vienna, 2002. 368 p. (Russ. ed.: Khyubner B. *Smysl v bessmyslennoe vremya: metafizicheskie raschety, proschety i svedenie schetov*. Minsk, 2006. 384 p.).
19. Komarov S.V., Porosenkov S.V. The Social Significance of Distrust of Humanitarian Knowledge. *Bull. Chelyabinsk State Univ.*, 2023, no. 1, pp. 22–33 (in Russ.).
20. Komarov S.V., Porosenkov S.V. The Problem of Formation of the Subject of Global Activity. *Bull. Chelyabinsk State Univ.*, 2022, no. 10, pp. 13–23 (in Russ.).
21. Ivin A.A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern Philosophy of Science]. Moscow, 2005. 592 p.
22. Edmonds D. *Would You Kill the Fat Man? The Trolley Problem and What Your Answer Tells Us About Right and Wrong*. Princeton, 2013. 240 p. (Russ. ed.: Edmonds D. *Ubili by Vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke: chto takoe khoroшо i chto takoe plokho?* Moscow, 2019. 264 p.).

Информация об авторах

С.В. Комаров – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, декан философско-социологического факультета Пермского государственного национально-исследовательского университета (адрес: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15).

С.В. Поросенков – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Пермского государственного национально-исследовательского университета (адрес: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15).

Information about the authors

Sergey V. Komarov, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Philosophy Department, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University (address: ul. Bukireva 15, Perm, 614068, Russian Federation).

Sergey V. Porosenkov, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Philosophy Department, Perm State National Research University (address: ul. Bukireva 15, Perm, 614068, Russian Federation).

Поступила в редакцию 09.08.2023
Одобрена после рецензирования 15.12.2023
Принята к публикации 19.12.2023

Submitted 9 August 2023
Approved after reviewing 15 December 2023
Accepted for publication 19 December 2023